

Если в настоящее время война может разорять целые области, то легко понять, какие опустошения она производила 120 лет тому назад среди населения, несравненно более бедного. В департаментах, близких к театру войны, хлеб приходилось косить еще зеленым, чтобы кормить лошадей. Там, где действовала какая-нибудь из 14 армий республики, почти все лошади и рабочий скот были забраны для военных потребностей. Солдатам так же не хватало хлеба, как и крестьянам и бедному населению в городах.

Во всем чувствовался такой же недостаток. В Бретани, в Эльзасе комиссары Конвента должны были обращаться к жителям больших городов, как Брест или Страсбург, с приглашением обуться всем в деревянные башмаки и послать всю свою обувь солдатам. Все кожи приходилось отбирать силой, и всех сапожников заставляли работать на войско; и все-таки обуви не хватало, так что даже солдатам иногда раздавали деревянные башмаки. Хуже того. Приходилось составлять комитеты, чтобы отбирать в частных домах «всю кухонную утварь, котлы, кастрюли и всякую медную посуду и свинцовые вещи, равно как всю медь и свинец не в поделках». Так было сделано, например, в округе города Страсбурга.

В самом Страсбурге представители Конвента и муниципалитет вынуждены были просить у обывателей платья, чулки, башмаки, рубашки, простыни, одеяла и всякое старое белье, чтобы одеть оборванных волонтеров; кровати в частных домах брались для раненых. Но всего этого не хватало, и по временам комиссары Конвента вынуждены были налагать на население тяжелые революционные налоги, взыскивая их преимущественно с богатых. Так делалось особенно в Эльзасе, где крупные помещики не хотели отказываться от своих феодальных прав, на защиту которых выступила Австрия. На юге, в Нарбонне, один из представителей Конвента однажды вынужден был потребовать, чтобы все граждане и гражданки города явились на набережную разгружать барки и нагружать на повозки припасы, привезенные для армии¹.

Однако же мало-помалу армия была реорганизована. Генералы из жирондистов были устранены, и люди молодые заняли их места. Это были везде люди новые, для которых война еще не стала ремеслом, воодушевленные всем энтузиазмом народной революции. Они скоро создали новую военную тактику, которую впоследствии приписывали Наполеону, - тактику быстрых передвижений и больших масс, нападающих на отдельные части неприятельской армии и уничтожающих их, раньше, чем они успеют соединиться. Одетые в лохмотья, часто босоногие, очень часто впроголодь, но вдохновленные революцией и идеями равенства волонтеры 1793 г. одерживали победы там, где поражение казалось неизбежным. При этом комиссары Конвента выказывали суровую энергию, чтобы прокормить эти армии, одеть их, организовать перевозку. Почти всегда равенство было их руководящим началом. Было, конечно, и среди комиссаров Конвента несколько негодных людей, как Камбасерес, были также глупые люди, окружавшие себя роскошью, которая и погубила впоследствии Бонапарта, и было несколько, несомненно, стремившихся к наживе, но то были очень редкие исключения. Почти все 200 комиссаров Конвента делили с солдатами их нищету и опасности.

Все усилия дали победу, и после того как в августе и сентябре пережит был очень мрачный период неудач, республиканские армии, наконец, одержали верх. В начале осени иностранное вторжение было остановлено.

В июне 1793 г., после измены Дюмуре, Северная армия была в полном разложении. Ее генералы готовы были драться между собой, а против нее стояли четыре армии, представлявшие 118 тыс. человек англичан, австрийцев, ганноверцев и голландцев. Вынужденная покинуть свой укрепленный лагерь и отступить за реку Сарпу, Северная армия предоставила неприятелю крепости Валансьен и Конде и открыла дорогу в Париж.

В обеих армиях, защищавших Мозель и Рейн, едва насчитывалось 60 тыс. человек, имевших против себя 83 тыс. пруссаков и австрийцев и отряд кавалерии из 6 тыс. эмигрантов. Кюстин, привязанность которого к республике была очень сомнительна, оставил позиции, занятые французами в 1792 г., и дал немцам обложить крепость Майнц-на-Рейне.

Со стороны Савойи и Ниццы, где приходилось отбиваться от 40 тыс. пьемонтцев и 8 тыс. ав-

---

¹ Несмотря на все, что рассказывают реакционные историки о терроризме Конвента видно из архивных документов, что одни санкюлоты и несколько молодых гражданок ответили на этот патриотический призыв «ни один мюскадэн и ни одна мюскадэнтка» (вычурно разряженные франты и франтихи из богатых классов) не оказались на набережной. После чего комиссар Конвента удовольствовался тем, что наложил на богатых «патриотическое при ношении в пользу бедных».